12+

Ли Цин-чжао

ЯШМОЙ ЗВЕНЯЩИЕ ЦЫ

Китайская поэзия

Ли Цин-чжао

Яшмой звенящие цы. Китайская поэзия

«Издательские решения»

Цин-чжао Л.

Яшмой звенящие цы. Китайская поэзия / Л. Цин-чжао — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-504414-3

Ли Цин-чжао (1084—1151) — известная китайская поэтесса династии Сун, одна из выдающихся авторов лирических песен, так называемых «цы». Это стихи с точным тональным рисунком и определенным количеством строк и слов. Лирические цы Ли Цин-чжао полны женских эмоций и чувств, печали о быстролетящем времени и мимолётности весеннего цветения. За присущей всей китайской поэзии сдержанностью скрывается горячее сердце женщины, исполненное любви к родному краю и природе, тоски расставания с любимым.

ISBN 978-5-00-504414-3

© Цин-чжао Л.
© Издательские решения

Содержание

Ли Цин-чжао 6
«Словно во сне» 8
«Мне помнится солнца закат…» 8
«Словно во сне» 9
«Весь вечер накрапывал дождь…» 9
«Жемчужно-алые губки» 10
«В покоях моих я скучаю одна…» 10
«Полоскание шёлка в горном потоке» 11
«Чаша из яшмы с янтарным вином…» 11
«Полоскание шёлка в горном потоке» 12
«В маленький садик смотрю за окном…» 12
«Полоскание шёлка в горном потоке» 13
«Время праздника «пищи холодной» пришло…» 13
«Полоскание шёлка в горном потоке» 14
«Делать причёску – ни сил, ни желанья…» 14
«Полоскание шёлка в горном потоке» 15
«На башне смотрю я: лазурное небо…» 15
«Полоскание шёлка в горном потоке» 16
Девичьи чувства 16
«Бодхисаттва-инородец» 17
«И ласковый ветер, и скудное солнце…» 17
«Бодхисаттва-инородец» 18
«Вновь гуси вернулись, стихает их крик…» 18
«Сокровенный плач» 19
«Ночь наступила и, сильно пьяна…» 19
«Некрасивая» 20
«Под вечер поднялся вдруг ветер, с дождём…» 20
«Недавний праздник» 21
«Ветер затих…» 21
«Безмятежная радость» 22
«Снег идёт…» 22
«Думы Циньской красавицы» 23
«С башни я вижу вдали…» 23
«Полоскание шёлка на берегу ручья» 24
Гуйхуа 24
«Полоскание шёлка на берегу ручья» 25
«После болезни подняться невмочь…» 25
«Собирая листья шелковицы» 26
«Кто, скажите, тот пышный японский банан…» 26
«Весна в Улине» 27
«И ветер затих, и увяли цветы…» 27
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Яшмой звенящие цы
Китайская поэзия

Ли Цин-чжао

Переводчик Алёна Алексеева

© Ли Цин-чжао, 2025
© Алёна Алексеева, перевод, 2025

ISBN 978-5-0050-4414-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Яшмой Звенящие Цы»

Того, кто досаду и грусть
Разделил бы со мной – рядом нет,
Но верно дорога сотрёт
Следы испытаний минувших и бед,
Останутся всё же стихи…
В окно приоткрытое светит луна,
И блики кружат,
И вновь вдохновляет весна…

Ли Цин-чжао

Ли Цин-чжао

(1084 – 1151)

родилась в 1084 году, время заката династии Сун, в провинции Шаньдун; отец был крупным сановником и известным литератором, мать слыла начитанной и разносторонне образованной женщиной. В дом Ли часто приходили друзья, чтобы за чашей подогретого вина посостязаться в умении слагать экспромтом стихи на заданные рифмы.

Одним из самых сильных увлечений Ли Цин-чжао было коллекционирование книг и картин. И не случайно, что многие ее стихотворения вызывают в памяти пейзажи знаменитых живописцев сунского Китая.

Двадцати лет она вышла замуж за известного художника-гравера Чжао Минчэна. Во время частых разлук с любимым, получившим назначение на должность начальника округа, поэтесса посвящала себя поэзии. Грусть расставания, ожидание встречи, воспоминания о милых сердцу днях юности – таковы основные мотивы стихотворений раннего периода Ли Цин-чжао.

Под натиском воинственных племен чжурчжэней в 1127 г. пала столица Сунской империи Бяньцзин (Кайфын). Ли Цин-чжао разделила горькую участь сотен тысяч современников. Утрата родного крова, невзгоды, скитания, вынужденное бегство на юг и униженное положение, в котором оказалась страна, наполовину захваченная врагом, – все это нашло своё отражение в творчестве Ли Цин-чжао последних лет ее жизни.

После смерти мужа – Ли Цин-чжао переезжала с места на место, порою жила в лодке, скитаясь по рекам и озерам в районе Ханьчжоу, а в последние годы жизни поселилась отшельницей в столице Южно-Сунской династии Цзянькане (Нанькане), сторонясь, как говорили древние, «корысти и славы»…

«Словно во сне»

«Мне помнится солнца закат…»

Мне помнится солнца закат,
беседка над горной рекой,
Когда опьянённые мы
забыли дорогу домой.
Веселье прошло,
и в лодку вернулись тогда.
В потёмках заплыли в затон,
где в лотосах скрылась вода.
Мы плыли с тобой,
мы плыли с тобой…
Лишь белая чайка, вскричав,
взлетела над тёмной водой.

«Словно во сне»

«Весь вечер накрапывал дождь…»

Весь вечер накрапывал дождь,
порывистый ветер шумел…
Глубокий мой утренний сон —
вчерашний не выветрил хмель.
Свернул ты завесу,
но что за окном я найду?
В ответ мне: – Прекрасна по-прежнему
яблоня в нашем саду…
Но знает ли он,
но знает ли он,
Что, верно, средь зелени тучной,
уже алый цвет истощен?

«Жемчужно-алые губки»

«В покоях моих я скучаю одна…»

В покоях моих я скучаю одна,
Тоска словно тысяча шелковых ниточек
в сердце моё вплетена.
Печалюсь о том, что весна позади,
Цветы мэйхуа
срывают, терзают дожди.
Смотрю у перил – на поля вдалеке,
А мысли мои
безжалостно вторят тоске!
Не знаю, в каком ты краю?
Повсюду трава возрастает стеной,
Надежды таю,
найдёшь ты дорогу домой.

«Полоскание шёлка в горном потоке»

«Чаша из яшмы с янтарным вином…»

Чаша из яшмы с янтарным вином
наполовину полна.
Только все мысли смешались и так,
словно пьяна без вина.
Звон колокольный вернул ветерок
в сумерках издалека…

Словно куренье рассеялись грёзы,
радостны и горячи.
Шпилька упала с волос золотая,
узел ослабив слегка.
Грусть охватила… Но вспыхнуло пламя
вдруг заискрившей свечи…

«Полоскание шёлка в горном потоке»

«В маленький садик смотрю за окном…»

В маленький садик смотрю за окном,
где притаилась весна,
Будто бы полог тяжёлый упал,
тени темней и темней.
Струны настрою на яшмовой цинь,
на башне моей тишина…

Синие тучи по небу ползут
от дальней скалистой гряды.
Капли дождя уронил ветерок,
становится всё холодней.
Кажется, не доживут до утра,
увянут на груше цветы.

«Полоскание шёлка в горном потоке»

«Время праздника «пищи холодной» пришло…»

Время праздника «пищи холодной» пришло.
облаками покрыт небосвод.
Над курильницей яшмовой вьётся дымок,
ароматный, плывёт и плывёт.
Все заколки узорные я убрала,
не подняться, лежу, полна грёз.

Не летит ещё ласточка в наши края,
только первые травы в цвету,
Распушились серёжки у ив на ветвях,
отцветает уже абрикос.
В синих сумерках дождик идёт небольшой,
намокают качели в саду.

«Полоскание шёлка в горном потоке»

«Делать причёску – ни сил, ни желанья…»

Делать причёску – ни сил, ни желанья,
вечер весенний, тоска…
Слива цветущая вся облетела,
ветер поднялся едва,
Месяц высокий на небе скрывая,
тихо плывут облака.

Снадобье жгу на жаровне из яшмы,
тлеет куренья трава,
Будто бы яркая вишня, сквозь полог
полупрозрачный видна,
Будет ли холодно ночью, довольно
в чаше из рога вина.

«Полоскание шёлка в горном потоке»

«На башне смотрю я: лазурное небо…»

На башне смотрю я: лазурное небо
повсюду, вокруг и вдали,
Внизу от палат ароматные травы
до неба границы дошли…
Сказал ты: «Высокая башня, ужели
не видно родной стороны?»

Бамбук во дворе, молодые побеги
уж выросли выше стены,
Готовы у ласточек гнёзда из глины,
летят лепестки вдаль и ввысь…
Не выдержать более, слушать не в силах,
как плачет кукушка: «Вернись[1]*…»*

[1] Кукушка – в Китае символ разлуки, поскольку она поет: «Бу-жу-гуй-цюй (Лучше уж вернуться?)» Согласно китайской легенде, правитель царства Шу, потрясенный добродетельными качествами одного из своих приближенных, передал ему власть, а сам ушел в горы, где и скончался во вторую луну, когда кукуют кукушки. С тех пор стали считать, что кукование кукушки — это плач души правителя Шу.

«Полоскание шёлка в горном потоке»

Девичьи чувства

Прекрасные лотосы – полог расшит,
улыбкой раскрылись цветы,
Курильница, дым благовонный плывёт,
струится, касаясь щеки.
В волнении нежном блестели глаза,
а ныне их помнишь ли ты?
Свидания первые в сердце храню,
и чувства ещё глубоки,
Досадую, тайные думы мои
не в силах письмо передать,
А в свете луны пляшут тени цветов,
кивают – попробуй опять.

«Бодхисаттва-инородец»

«И ласковый ветер, и скудное солнце…»

И ласковый ветер, и скудное солнце,
весна наступила уже.
Сменила я тёплое зимнее платье,
и сразу светлей на душе,
Не чувствую даже,
что стало к утру холодней.
В причёске остался
увядший цветок сливы мэй.

О, где же теперь
родная моя сторона?
О ней мои думы,
забылась едва ли, пьяна.
Курение тлело,
когда в поздний час улеглась,
Теперь же угасло,
и хмель мой последний угас.

«Бодхисаттва-инородец»

«Вновь гуси вернулись, стихает их крик…»

Вновь гуси вернулись, стихает их крик,
синеют во тьме облака.
На север окно, вижу, падает снег.
ввысь тянутся струи дымка.
И блики огня
на Фениксе-шпильке видны.
Фигурки людей
в причёске в седьмой день весны[2].

Рожок зазвучал
призывно рассветной порой.
Ковша и Тельца
созвездия тают с зарёй.
Весну ожидаю,
цвести ещё рано цветам,
Ведь Западный ветер
уйти не даёт холодам.

[2] седьмой день весны – Седьмой день новогодних праздников, который традиционно считается всеобщим днем рождения. В этот день причёску украшали вырезанными (цветными или из золотой фольги) фигурками людей.

«Сокровенный плач»

«Ночь наступила и, сильно пьяна…»

Ночь наступила и, сильно пьяна,
смываю я медленно грим,
Сливы цветки
увяли, снимаю с волос.
Тихо проходит мой хмель,
грёзы весны словно дым,
Тают они,
не возвратишь этих грёз.

Кто-то грустит и грустит,
месяц блестит и блестит,
Полог опущен ко сну.
Снова бутоны увядшие мну,
снова последний ловлю аромат.
Снова весна возвратится ль назад?

«Некрасивая»

«Под вечер поднялся вдруг ветер, с дождём…»

Под вечер поднялся вдруг ветер, с дождём
нахлынул единой волной,
И смыло дневной ослепляющий зной.
Хотела сыграть, но свирель не звучит;
В цветок водяного ореха[3] *смотрюсь, —*
свежа ли, бледна ли на вид?

Вишнёвые губы, как ниточка – бровь,
и кожа прозрачна, как лёд,
Чуть-чуть благовоний и пудры пойдёт.
С улыбкою глядя, скажу я тебе:
«За пологом легким на тонкой циновке
прохладно должно быть теперь.»

[3] образно о зеркале

«Недавний праздник»

«Ветер затих…»

Ветер затих,
цветки облетели кругом,
Будто бы снег,
лежат лепестки за окном.
Яблоня долго цвела
так ярко алели цветки…
Стала весна
порой неизбывной тоски.

Пение стихло, вино на исходе,
чаша из яшмы пуста,
Лампа горит,
вспыхнет, мигнёт иногда.
Не превозмочь мне глубокой печали
долгою ночью без сна,
Где-то вдали
вскрикнула птица одна.

«Безмятежная радость»

«Снег идёт…»

Снег идёт,
Новый год наступил, и весна.
В причёске – цветы,
от их аромата пьяна,
Снимаю увядшие за день цветы,
и мысли мои так грустны,
Сдержаться уже не могу,
слезами одежды полны.

Теперь я встречаю весну
на чужбине, от дома вдали,
Одна в тишине, на виски
словно нити седые легли.
Уже надвигается вечер,
и ветер свистит всё сильней,
Смогу ли теперь я пойти
посмотреть на цветение мэй.

«Думы Циньской красавицы»

«С башни я вижу вдали…»

С башни я вижу вдали
Горы в тумане, от них на равнину
лёгкие тени легли.
Легкие тени легли,
Стайкой вороны на ветках сидят,
слышу рожок я, смотрю на закат…

Иссякло куренье, угасло куренье,
сердце болит от утрат,
…[4]*теплее оденусь,*
листья утуна летят.
Листья утуна летят,
Снова красотами осень полна,
снова сижу в тишине я одна.

[4] два иероглифа утрачены.

«Полоскание шёлка на берегу ручья»

Гуйхуа

Из мягкого золота тысячи капелек зерни —
соцветья в кистях,
Из яшмы зеленой густыми резными слоями —
листва на ветвях.
Благородством подобна достойным мужам,
ничего совершеннее нет, —
Незапятнанный редкостный свет.

Слива мэй слой за слоем возносится ввысь,
но с ней рядом – как будто бледна,
Тьма бутонов сирени – в сравнении с ней
по природе проста и бедна…
Ароматом пронзит, затоскуешь тогда,
и потянется памяти нить…
Эти чувства – не остановить.

«Полоскание шёлка на берегу ручья»

«После болезни подняться невмочь…»

После болезни подняться невмочь,
и на висках седина.
Лёжа любуюсь я полной луной
через завесу окна.
Пью с кардамоном горячий настой,
брошен в него чайный лист,
Крепок отвар и душист.

Сяду в постели, читаю стихи
в уединенье своём…
А за окном живописный пейзаж,
стихло всё перед дождём.
Кинмокусей[5]*, восхищаться лишь им*
можно весь день напролёт,
Даже зимой он цветёт.

[5] С кинмокусеем (гуйхуа) в Китае связано множество легенд, ведь его цветы, кроме всего прочего, являются символом китайского праздника Луны, который отмечается в сентябре – именно в это время душистый кинмокусей начинает свое обильное цветение, которое может продлиться до самой весны.

«Собирая листья шелковицы»

«Кто, скажите, тот пышный японский банан…»

Кто, скажите, тот пышный японский банан
посадил у меня под окном?
Тень его во дворе всё закрыла кругом.
Тень его во дворе всё закрыла кругом,
Только лист за листом и за мыслью мысль
словно волны бегут,
чувств нахлынувших не превозмочь.

Истерзалась душа и никак не уснуть,
третья стража – глубокая ночь,
Затяжные дожди навевают тоску.
Затяжные дожди навевают тоску,
И так горько в тяжёлой разлуке одной,
дождевую капель
больше слушать уже не могу!

«Весна в Улине»

«И ветер затих, и увяли цветы…»

И ветер затих, и увяли цветы,
последний угас аромат,
Расчёска в руках,
устало смотрю на закат.
Любой человек это лишь человек,
всему же приходит свой срок;
Одна я сижу,
и слёз не унять мне поток.

А на Шуанси, все вокруг говорят,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.